

ВЕЛЬБАРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ЧЕРНЯХОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЛЕСОСТЕПИ УКРАИНЫ II–V ВВ. Н.Э.

Исследования советских археологов показали, что черняховская культура II–V вв. н.э. сложилась на основе зарубинецких, восточнопшеворских и гето-фракийских древностей рубежа и первых веков новой эры. В процессе формирования черняховской культуры прослеживается и инфильтрация южного (причерноморского) позднескифского и позднесарматского населения (Археология... 1986, с. 70–100). Работами автора и других ученых установлено, что в системе разноэтничного массива черняховских племен выделяется Лесостепь Украины, связанная с основным славянским ядром черняховских древностей. Именно лесостепное Днестро-Днепровские междуречье в первой половине I тысячелетия н.э. было основной территорией древних восточных славян, которых Иордан, Прокопий Кесарийский и другие раннесредневековые авторы называли антами (И. С. Винокур 1972, с. 35–77, 143–161; В. Д. Баран 1981, с. 152–177).

Работами последних лет в Среднем и Верхнем Поднестровье, а также на Левобережье Днепра (в Посеймье) удалось зафиксировать и памятники переходные от черняховской культуры к культурам раннесредневековых славян V–VII вв. н.э. (И. С. Винокур 1984, с. 47–51; Э. А. Сымонович 1987, с. 73–81; В. Д. Баран 1981, с. 148–149 и др.). Это означает, что лесостепной вариант черняховских древностей Украины можно уверенно связывать со славянским этносом.

В связи со сказанным важно выяснить и взаимосвязи черняховского лесостепного славянского массива с северо-западными инфильтратами, т.е. с элементами вельбарской культуры, которая в последние годы привлекла к себе пристальное внимание археологов (Problemy... 1981, s. 280). Из советских ученых проблеме взаимосвязи вельбарских и черняховских древностей посвятили свои работы М. А. Тиханова (М. А. Тиханова 1970, с. 89–95), Ю. В. Кухаренко (Ю. В. Кухаренко 1980, с. 127), М. Ю. Смишко (М. Ю. Смишко 1961, с. 59–77), И. К. Свешников (М. Ю. Смишко, И. К. Свешников 1961, с. 89–115), М. Б. Щукин (М. В. Szczukin 1981, St 135–163) и др. Указанные авторы по-разному объясняют наличие вельбарских элементов на юго-западе Белоруссии и в западных областях Украины. В последние годы накоплен новый полевой материал из районов Среднего Поднестровья, Южного Побужья и Среднего Поднепровья. Это сделало возможным на более широкой источниковой основе проанализировать возможные контакты местного славянского черняховского земледельческого населения. Лесостепи с носителями элементов северо-западных вельбарских древностей. [с. 217]

В этом плане, наряду с другими аспектами, важны и типолого-морфологические сопоставления керамики местных лесостепных памятников и элементов вельбарских древностей. Имеется в виду легшая керамика, так как гончарная посуда дает меньше возможностей для получения соответствующей информации об особенностях историко-этнографического развития древнего населения.

Проведенные нами наблюдения показали (в отличие от мнения М. И. Артамонова, М. А. Тихановой, Ю. В. Кухаренко), что типолого-морфологической основой черняховской лепной посуды Лесостепи являются формы зарубинецкой и частично восточнопшеворской культур. Это нашло свое отражение в формах лепной черняховской посуды, которые продолжают по типологии традиции керамики зарубинецких и частично пшеворских древностей (Лука-Врублевская, Бакота, Ружичанка, Косаново, Ломоватое, Грушевцы и др.).

На территории Подолии, кроме того, в лепной черняховской керамике прослежено влияние отдельных форм посуды гето-фракийской культуры. Это, например, горшки с биконическим туловом, отогнутым венчиком, орнаментированные выступами-упорами. Наконец, среди черняховской лепной посуды здесь имеются и отдельные экземпляры, находящие аналогии в керамике вельбарских древностей (типа Детиничи – Брест-Тришин).

Это миски с изогнутым биконическим туловом, украшенным ложным ушком.

Произведенные нами подсчеты показывают, что, если абстрагироваться от гончарной посуды, то наибольшее количество лепной керамики с территории Подолья может быть по формам и технике изготовления связано с зарубинецкой (50%) и восточнопшеворской (40%) культурами. Небольшая часть (7–8%) приходится на формы гето-фракийской культуры. Наконец, совсем небольшое количество лепной керамики (1–2%) можно связывать по типологии с посудой памятников типа Дитиничи – Брест-Тришин.

На территории Волыни керамический материал в черняховских древностях (Лепесовка, Пряжев, Слободище, Иванковицы, Викнины Великие, Костянец, Раковец, Деревянное, Горка-Полонка, Рудка, Кутки, Шумск, Городище и др.) представлен сравнительно большим количеством лепной посуды. В формах и технике лепной керамики волыньских памятников четко прослеживается восточнопшеворская и зарубинецкая подоснова. Многочисленные аналогии лепной посуде Волыни мы находим в пшеворских древностях (горшки с прямыми или со слегка вогнутым внутрь венчиком с бугристой, нарочито ошершавленной поверхностью, а также лепные острореберные миски). Вместе с тем, в лепной керамике волыньских черняховских памятников представлены и формы зарубинецкой посуды. Это, например, горшки биконической формы со слегка отогнутым венчиком, выпуклые со слегка отогнутым венчиком лепные горшки и небольшие миски с плавным очертанием бочка. В лепном керамическом комплексе волыньских памятников представлены и формы вельбарских древностей (типа Дитиничи – Брест -Тришин).

По нашим подсчетам наибольшее количество форм лепной керамики Волыни связано с восточнопшеворской культурой (60%). Часть лепных керамических изделий связывается с зарубинецкими древностями (30%), а также с памятниками Дитиничи – Брест-Тришин (9–10%). Конкретные исторические условия развития материальной культуры на Волыни состояли в том, что в керамике здесь нашло свое отражение наличие пограничья (или стыка) двух больших культурно-исторических массивов – восточнопшеворского и зарубинецкого.

Датирующие материалы показывают, что в конце II в. н.э. черняховская культура Лесостепи уже сформировалась (Ружичанка, Лепесовка, Бережанка, [с.218] Лука-Врублевская, Бакота, Пряжев, Ломоватое и др.). Эти памятники находят и аналогии на территории Румынии в древностях первой половины I тысячелетия н.э. (J. Jonita 1986, s. 295–351). Примерно с III в. н.э. появляются на Волыни и Подолии элементы вельбарской культуры (Дитиничи, Деревянное, Раковец и др.). Это может означать, что в среду местного лесостепного черняховского населения начинают проникать северо-западные (вельбарские) элементы, что можно объяснить начавшимся процессом „великого переселения". Следует отметить, что в указанную эпоху имели место и миграции с юга в сторону север и северо-запада. Это, в частности, зафиксировано на территории лесостепного Южного Побужья, где в III–IV вв. н.э. кроме вельбарских представлены и элементы скифо-сарматских по происхождению древностей (Б. В. Магомедов 1985; с. 44–46).

Если иметь в виду этногенез в условиях бытования черняховской культуры то, видимо, можно предполагать начало формирования народности на базе разных племенных групп. „Народность – указывал П. Н. Третьяков – один из итогов распада первобытного строя и возникновения классового общества" (П. Н. Третьяков 1970, с. 5). Этнографические наблюдения фиксируют, что народ или этническая общность – это социальный организм, который складывается на определенной территории при условии достижения различных связей (хозяйственных, культурных и других). Процесс формирования народности предполагает наличие общности языка, общих черт культуры и быта, особенностей психического склада, а если группы резко отличаются в расовом отношении, то и значительной метисации их (В. И. Козлов 1969, с. 56). Вместе с тем подчеркивается, что народность складывается, как правило, на базе этнической общности (В. И. Козлов 1969, с. 56).

Начало формирования народности у черняховских племен, как, впрочем, и во второй половине I тысячелетия н.э. происходило в довольно специфических условиях. Специфика состояла, прежде всего, в том, что процесс формирования народности и в первой, и во

второй половине I тыс. н.э. протекал в разноплеменной среде. Процессу кристаллизации древнерусской народности „...предшествовал длительный период „подготовки“, в ходе которого славянским населением, продвигавшимся из Восточного Повисленья и Днестро-Днепровского междуречья в северном, восточном, а позднее и в южном направлениях, были поглощены различные племена, в том числе и совсем чуждые славянам по языку и культуре" (П. Н. Третьяков 1970, с. 7).

Аналогичные явления, по-видимому, имели место и в межплеменной среде, археологически зафиксированной в древностях черняховской культуры II–V вв. н.э. Но это был, естественно, не механический процесс смешения разноэтничного населения. Одной из важных причин указанного процесса „послужил распад старых племенных и родовых связей и установление новых, уже не первобытных экономических и политических отношений" (П. Н. Третьяков 1970, с. 50). Напомним, что черняховская земледельческая оседлость и культура сложились при участии различных племен: славянских, дако-фракийских и сарматских. По-видимому, необходимо выяснить роль каждого из указанных компонентов в процессе формирования народности у черняховских племен при учете, естественно, той политической ситуации, которая возникла в Юго-Восточной Европе в связи с готской экспансией – „государством Германариха". (Иордан 1960, с. 115).

Становление народности в среде черняховских племен предполагало, таким образом, участие в указанном процессе разноэтничного населения. Из-за сильного смешения этого населения в процессе языковой ассимиляции признаки об- [с.219] щности языка и территории в полной мере могли быть приложимы лишь к основному этническому ядру (В. И. Козлов 1969, с. 57). Кто же составлял основное логическое ядро черняховских племен Днестро-Днепровского междуречья? Анализ письменных свидетельств, вместе с данными археологии и исторической географии, позволяет считать, что в лесостепной полосе Днестро-Днепровского междуречья во II–V вв. н.э. доминирующее положение занимали славянские племена (И. С. Винокур 1972, с. 143–162; В. В. Седов 1970, с. 69).

В среде юго-восточных европейских племен в связи с дальнейшим развитием производительных сил, увеличением численности и плотности населения произошли существенные изменения в этнической структуре и социальных отношениях. Недаром Ф. Энгельс говорит о возникновении стойких союзов племен, которые представляли из себя „первый шаг к образованию наций" (К. Маркс и Ф. Энгельс т. 21, с. 95). Под нацией Ф. Энгельс здесь понимал народность. Разноплеменная среда, в которой складывалась народность у черняховской земледельческой оседлости, могла повлиять и на формирование элементов межплеменных языков. Археологические материалы фиксируют проникновение в черняховскую среду греческой и латинской письменности (И. С. Винокур 1972, с. 99 – 10). Элементы греческого и латинского языка и могли служить основой для межплеменных контактов.

Начало формирования народности у черняховских племен Днестро-Днепровского междуречья происходило, как видно, в очень сложной обстановке взаимовлияний и контактов различного по своему этническому происхождению населения Юго-Восточной Европы. Выясняя сложность и многогранность образования культурно-исторических общностей вообще и, особенно для раннего средневековья Юго-Восточной Европы, С. Н. Бибиков отмечает непрерывность указанного процесса. Это явление, которое действует постоянно. Историко-культурный этногенетический процесс практически не имеет ни начала, ни конца (С. Н. Бибиков 1967, с. 71). В. П. Петров писал, что на юге Восточной Европы со II до VI в. н.э. имел место в равной мере как процесс унификации материальной культуры, так и процесс этнической консолидации (В. П. Петров 1972, с. 45). В процессе формирования народности у черняховских племен отразилась вся сложность исторической обстановки II–V вв. н.э. в Европе.

О готских племенах, которые в III–IV вв. н.э. проникали на земли лесостепного Днестро-Днепровского междуречья, писал Иордан (Иордан 1960, с. 72–90, 115 и др.). Одним из промежуточных мест, где находились готы до их появления в лесостепи и степи, считают

низовья Вислы (М. А. Тиханова 1958, с. 130). Следы продвижения готов, возможно, зафиксированы теперь археологически в Южной Белоруссии (Брест-Тришин) и в Западной Украине (Детиничи).

Для выяснения возможных аспектов контактов прошлого гото-гепидского и местного черняховского лесостепного населения следует, по нашему мнению, обратиться к некоторым историческим параллелям. Подобные процессы имели место, например, когда готы очутились на территории Италии, Галлии и Испании. Правда, во взаимоотношениях с аборигенами Западной и Юго-Западной Европы имелась своя специфика. Она вытекала из того, что отдельные из указанных европейских племен ощутили в предшествующее время (до прихода готов) сильную романизацию. Поэтому там столкнулись как бы два начала – римское и готское. Римское господство в Испании, например, длилось от III в. до н.э. и вплоть до VI в. н.э., когда римлян вытеснили вестготы (А. Р. Корсунский 1965, с. 23; А. Е. Кудрявцев 1937, с. 38).

Условия первоначального расселения вестготов в Южной Галлии и Испании [с. 220] были определены договором между вестготским королем и Западной Римской империей (А. Р. Корсунский 1965, с. 7). Готы селились в большинстве случаев вперемешку, чересполосно с местным населением. Они расселялись, однако, не на всей завоеванной ими территории (А. Р. Корсунский 1965, с. 7).

На территории Италии взаимоотношения готов с местным населением сложилось так, что, как правило, германское начало уравнивалось римским (Л. Кудрявцев 1950, с. 21).

Относительно поселений вестготов в Южной Галлии (412–414 гг.) можно считать, что вестготы были расселены среди местных жителей в соответствии с римским законом про военный постой. Готы не получали землю, а лишь размещались среди местного населения и получали от него содержание (А. Р. Корсунский 1964, с. 22). Вот почему образом „уравновешенного" синтеза в процессе феодализации германских и римских элементов является Южная Галлия (А. Д. Люблинская 1968, с. 11).

Какие же из приведенных примеров контактов готов с аборигенами Западной и Юго-Западной Европы наиболее могут послужить аналогией для событий III–IV вв. н.э. в зоне расселения черняховских племен Лесостепи? Совершенно естественно, что Италия, как возможная параллель, в данном случае отпадает. Дело в том, что на территории этой страны уже до прихода готов существовала рабовладельческая государственность, римское начало здесь было очень сильным. Что же касается Галлии и Испании, то там в процессе расселения германских племен имели место явления, подобные тем, когда гото-гепиды могли просочиться в черняховскую среду на Волыни и в ближайших соседних районах.

Гото-гепиды застали здесь местное общество со стойкими оседлыми земледельческими традициями, со сравнительно более высокой культурой чем та, которую они принесли с собой. Пришлое население могло жить с местными чересполосно. Это касается, прежде всего, Волыни, где параллельно с черняховскими и пшеворскими памятниками выступают элементы вельбарской культуры. Местные черняховские племена могли воспринять от пришельцев отдельные элементы их культуры (Раковец, Лепесовка, Деревянное и др.). В свою очередь местные земледельцы очевидно, сильно влияли на пришельцев гото-гепидов (И. С. Винокур 1972, с. 146–148). Черняховские древности Лесостепи показывают, что общий характер культуры не изменился. Материальная и духовная культура черняховских лесостепных племен продолжала эволюционизировать, а пришлые племена постепенно просачивались на юг, туда, где застает их историческая традиция (Иордан 1960, с. 72; Б. В. Магомедов 1985, с. 46).

Условия первых контактов местного славянского населения с гото-гепидами были своеобразными. Кроме мирных в процессе „великого переселения народов" были и военные столкновения местных славянских племен с пришлыми – германскими. Иордан, рассказывая о борьбе остготского короля Винитара со славянским вождем Божем, ярко фиксирует эти события (Иордан 1960, с. 115). Готы оказались во главе смешанного в этническом отношении союза племен, который известен в исторической литературе под названием „царства

Германариха". Указанный союз был кратковременным и непрочным. Это было одно из многих военно-политических объединений-конгломератов, которые возникли и распались в условиях „великого переселения народов“.

В конце IV в. н.э. произошло первое массовое вторжение гуннов в Восточную Европу. Гунские орды перешли Дон и под руководством своего вождя Баламера нанесли сильный удар по „царству Германариха“. Готское военно-политическое объединение распалось, а гунны прошли огнем и мечом по территории [с.221] оседлых земледельческих племен Юго-Восточной Европы. Гунны в конце IV— и в начале V вв. н.э. включили в свой военно-политический союз различные кочевые степные группы (Л. М. Рутківська 1969, с. 152—153). Часть черняховских поселений была оставлена жителями. Это, например, поселение в Иванковцах (И. С. Винокур 1964, с. 180—184). Аналогичные наблюдения сделаны и на территории Молдавии (Э. А. Рикман 1967, с. 42). Но в целом в лесостепной зоне Днестро-Днепровского междуречья остались нетронутыми целые группы славянских поселений. В таком положении оказались, в частности, многие волынские и подольские черняховские селища. Особенно хорошо это прослеживается по материалам Среднего и Верхнего Поднестровья, а также междуречья Днестра и Западного Буга (И. С. Винокур 1972, с. 143—161; В. Д. Баран 1972, с. 97—130). Последствия гуннского нашествия в Европе были довольно ощутимыми (В. И. Довженок 1970, с. 41; П. Н. Третьяков 1970, с. 49). Недаром в целом археологические памятники Лесостепи V—VII вв. н.э., если иметь в виду внешние формальные признаки, в частности в керамике — стоят по своему уровню значительно ниже, чем керамические изделия черняховских племен. Исчезло много вещей, привезенных с юга, меньше стало гончарной посуды, которую заменили керамические изделия, изготовленные от руки. Но это не означает, что на протяжении V в. н.э. просторы Лесостепи были обезлюднены. Хотя гунны и согнали часть коренного населения с насиженных мест, но остановить исторический процесс они, естественно, не могли. Жизнь на основной части славянских поселений Лесостепи не прекращалась. Она продолжалась тут в новых исторических условиях.

События эпохи гуннских завоеваний не могли не сказаться на материальной культуре местного населения. Процесс архаизации в середине I тыс. н.э. был характерным для Юго-Восточной и Центральной Европы. Но все же, несмотря на это, обстановка постепенно нормализуется. В отдельных районах лесостепного Днестро-Днепровского междуречья, удаленных от магистральных путей продвижения гуннов, удается проследить поступательный процесс развития местной славянской культуры в середине I тыс. н.э.

Таким образом, лепной керамический комплекс показывает, что формирование славянского ядра черняховской культуры Лесостепи Украины происходило на основе местных традиций рубежа и первых веков новой эры. Что же касается отдельных иноэтничных элементов, то они объясняются самой эпохой „великого переселения народов“. Если на черняховском этапе развития наметился, как уже отмечалось, процесс формирования народности при активной консолидации племен черняховской культуры, то в V—VII вв. этот процесс несколько затормозился. Племенные особенности, трудно уловимые под покровом черняховской культуры (даже при учете ее локальных вариантов), теперь — в V—VII вв. н.э. стали проявлять себя более рельефно. Полагаем, что если бы не удары гуннов, а позже — аваров, то процесс формирования народности и раннефеодальной государственности у древних восточных славян завершился бы значительно ранее VIII—IX вв. н.э.

Как показывают исследования, на землях лесостепного Днестро-Днепровского междуречья (основной территории черняховских племен) в середине и в третьей четверти I тыс. н.э. находились главные союзы восточнославянских племен государственного типа: Дулебско-Волынский и Полянский. Эти союзы должны были быть связаны со своим историческим предшественником — Антским военно-политическим и межплеменным объединением. Анты неоднократно упоминаются в письменных источниках VI—VII вв. н.э. Причем, Иордан упоминает [с.222] антов и в связи непосредственно с событиями IV в. н.э.

(Иордан 1960, с. 115). По Иордану и Прокопию анты занимали основные лесостепные районы между Днестром и Днепром (Иордан 1960, с. 72, 90, 115; Прокопий Кесарийский 1941, с. 243). Археологическими древностями антов VI—VII вв. н.э. считаются памятники типа Пеньковки, распространенные, в основном, между Днепром и Днестром — в бассейне Южного Буга, Днестра и Днепра) (В. В. Сердов 1970, с. 127). Что же касается антов более раннего времени, то они, видимо, и представлены в лесостепном Днестро-Днепровском междуречье памятниками черняховской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Украинской ССР 1986, т. 3, Киев.
- Баран В. Д., 1981. Черняхівська культура, Київ; 1972. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, Київ.
- Бибииков С. Н., 1967. К 50-летию археологической науки на Украине, СА, № 3.
- Винокур И. С., 1984. Черняховская культура лесостепной полосы Правобережной Украины и ее традиции в раннесредневековых славянских древностях, КСИА АН СССР, в. 178, Москва; 1964. Памятники волынской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы, МИА, № 116, Москва; 1972. Історія та культура черняхівських племен, Київ.
- Довженко В. И., 1970. Черняховская культура в истории населения Среднего Поднепровья, КСИА АН СССР, вып. 121, Москва.
- Ion I t a Ion, 1986. Chronologie der Sintana-de-Mures-Cernjachov-Kultur, Peregrinatio Gothica, Archaeologia Baltica, t. VII, Łódź.
- Иордан, 1960. О происхождении и деяниях гетов, Москва.
- Козлов В. И., 1969. Динамика численности народов, Москва.
- Корсунский А. Р., 1964. Об условиях поселения вестготов в Южной Галлии и Испании, Сб. „Средние века“, в. 25, Москва; 1965. Основные вопросы истории Испании V—VII веков, Автореферат докторской диссертации, Москва.
- Кудрявцев П., 1850. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим, Москва.
- Кудрявцев А. Е., 1937. Испания в средние века, Ленинград.
- Кухаренко Ю. В., 1980. Могильник Брест-Тришин, Москва, 127 с.
- Люблинская А. Д., 1968. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза, Сб. „Средние века“, в. 31, Москва.
- Магомедов Б. В., 1985. Дослідження черняхівських пам'яток у Середньому Побужжі, Тези доповідей VI-ої Подільської історико-краєзнавчої конференції, Секція археології, Кам'янець-Подільський.
- Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 21.
- Петров В. П., 1972. Етногенез слов'ян, Київ.
- Problemy kultury wielbarskiej, Słupsk, 1981, 280 с.
- Прокопий Кесарийский, 1941. IV, 4, ВДИ, № 1.
- Рикман Э. А., 1967. Памятник эпохи великого переселения народов, Кишинев.
- Рутківська Л. М., 1969. Кочовики та землероби на території України в середині I тис. н.е., Археологія, т. XXII, Київ.
- Сердов В. В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, Москва; 1970. Анти, Матеріали третьої Подільської історико-краєзнавчої конференції, Львів.
- Симонович Э. А., 1984. Развитие культуры черняховских племен Левобережья Днепра (по материалам лепной керамики). КСИА АН СССР, в. 178, Москва.
- Смішко М. Ю., Свешніков І. К., 1961. Могильник III—IV століть н.е. у с. Дитиничі, Ровенської області, Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, в. 3, Київ.
- Смішко М. Ю., 1961. Відносно концепції про германську належність культури полів поховань, Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, в. 3. [с.223]
- Тиханова М. А., 1958. Готы в причерноморских степях, в кн.: „Очерки истории СССР“, III—IX вв., Москва; 1970. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры, КСИА АН СССР, в. 121, Москва.
- Третьяков П. Н., 1970. У истоков древнерусской народности, Ленинград.
- Шелов Д. Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, Москва.
- S z z u k i n M. B., 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska. *Problemy kultury wielbarskiej*, Słupsk. [с.224]

Винокур И.С. Вельбарские элементы и черняховские древности лесостепи Украины II—V вв. н.э. // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. – Lublin, 1989.—Т.І.—S. 217-224.